

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 81-11. 81'33

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-7-14

**НОМИНАЦИЯ АДРЕСАТА В ПРИСУТСТВИИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В
РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

© Абу Ггриеканах Алиа Салим Эслаим, Наталия Габдреева

**ADDRESSEE NOMINATION IN THE PRESENCE OF A THIRD PARTY IN
RUSSIAN AND ARABIC LINGUISTIC CULTURES**

Abu Ghriekanah Alia Saleem Eslaeem, Nataliya Gabdreeva

The article focuses on the linguistic analysis of addressee nomination in the presence of a third party as an element of speech etiquette in Russian and Arabic. The study aims to identify the mechanisms by which forms of address shift depending on the configuration of participants in a communicative act, as well as the pragmatic, sociocultural, and etiquette functions of this phenomenon. In Russian, addressee nomination is predominantly observed in family discourse through the situational use of kinship terms (e.g., “dad,” “grandpa”) directed toward a third party. In the Arabic linguistic culture, an analogous function is fulfilled by the kunya – a nominative structure of the type “Abu/Umm + child’s name” – which exhibits high sociolinguistic markedness used both as identificational and status-related functions. A comparative analysis reveals the structural, pragmalinguistic, and functional characteristics of addressee nomination in both languages, highlighting universal and culture-specific features. The research material comprises authentic fragments of oral communication in everyday, family, and religious contexts, as well as data from lexicographic and linguocultural sources. The findings contribute to a deeper understanding of the pragmatic strategies of speech etiquette that reflect the sociocultural norms of interaction in Russian and Arabic linguistic cultures. They may also prove valuable for further research in contrastive pragmatics and intercultural communication, as well as for the development of language teaching methodologies that take into account culture-specific features of verbal behavior.

Keywords: addressee nomination, speech etiquette, kunya, forms of address, pragmalinguistics, Arabic language, Russian language

В центре внимания статьи – лингвистический анализ номинации адресата в присутствии третьего лица как элемента речевого этикета в русском и арабском языках. Исследование направлено на выявление механизмов изменения форм обращения в зависимости от конфигурации участников коммуникативного акта, а также прагматических, социокультурных и этикетных функций данного феномена. В русском языке номинация адресата проявляется преимущественно в семейном дискурсе через ситуативное использование родственных ролей (например, «папа», «дедушка»), адресованных третьему лицу. В арабской лингвокультуре аналогичную функцию выполняет *кунья* – номинативная структура типа «абу / умм + имя ребёнка», обладающая высокой социолингвистической маркированностью и выполняющая идентификационную и статусную функции. На основе сопоставительного анализа раскрываются структурные, прагмалингвистические и функциональные особенности номинации в обоих языках, выделяются универсальные и культурно-специфические характеристики. Материалом исследования послужили аутентичные фрагменты устного общения в бытовом, семейном и религиозном контексте, а также данные лексикографических и лингвокультурологических источников. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию прагматических стратегий речевого этикета, отражающих социокультурные нормы взаимодействия в русской и арабской лингвокультурах и могут быть полезны для дальнейших исследований в области контрастивной прагматики, межкультурной коммуникации, а также для разработки методик преподавания языков с учётом культурно-специфических особенностей речевого поведения.

Ключевые слова: номинация адресата, речевой этикет, кунья, формы обращения, прагмалингвистика, арабский язык, русский язык

Для цитирования: Абу Гриеканах Алиа Салим Эслаим, Габдреева Н. Номинация адресата в присутствии третьего лица в русской и арабской лингвокультурах // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 7–14. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-7-14

Введение

В условиях интенсивного развития межкультурной коммуникации особое внимание в лингвистике уделяется компонентам речевого этикета, которые отражают не только языковые, но и социокультурные особенности взаимодействия. Одним из таких компонентов является номинация адресата в присутствии третьего лица – феномен, при котором форма обращения к собеседнику варьируется в зависимости от состава участников речевого акта и его характера. Эта практика особенно ярко проявляется в семейно-бытовом дискурсе и представляет собой значимый элемент прагматической структуры общения.

Номинация, ориентированная на третье лицо, выполняет комплекс функций: от социальной маркировки и демонстрации уважения до прагматической адаптации высказывания в соответствии с когнитивными ожиданиями реципиента. В русском языке типичной является стратегия обращения по семейной роли, например, *papa*, в присутствии детей, или *дедушка* – в окружении внуков. В арабской речевой культуре аналогичную роль играет система куньи – номинации по имени ребёнка *Абу Ахмад*, *Умм Лейла*, реализуемая с учётом коммуникативного контекста, статуса и степени формальности общения.

Несмотря на частотность и культурную значимость данного явления, оно остаётся недостаточно изученным как в русской, так и в арабской лингвистике. Сравнительный анализ стратегий номинации в русском и арабском языках позволяет выявить как универсальные закономерности речевого поведения, так и культурно-специфические особенности, детерминирующие выбор формы обращения.

Цель исследования – проанализировать особенности номинации адресата в присутствии третьего лица в русском и арабском языках как элемента речевого этикета, определить их прагматические функции и выявить межкультурные сходства и различия в реализации данной коммуникативной стратегии.

Задачи исследования:

1. определить лингвистическую природу номинации как механизма речевого взаимодействия;
2. исследовать прагматические и социокультурные особенности номинации в русском языке;

3. описать специфику куньи и её функционирование в арабской речевой традиции;

4. выявить структурные и прагматические различия и сходства между двумя культурами;

5. оценить значимость данного феномена для развития межкультурной коммуникативной компетенции.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в более глубоком осмыслении прагматических механизмов речевого взаимодействия в поликультурной среде. Понимание стратегий обращения, особенно в контексте присутствия третьего лица, имеет важное значение для эффективной и этически корректной коммуникации между представителями различных языков и культур. Номинация в подобных ситуациях представляет собой не просто акт называния, а инструмент социокультурной координации, отражающий иерархию, ценности и этикетные нормы конкретного сообщества.

Современные лингвистические исследования поднимают вопросы адресации, речевого такта и вежливости, однако сравнительное изучение номинации в контексте участия третьего лица – особенно в сопоставлении русской и арабской языковых картин мира – остаётся фрагментарным и практически неизученным. Настоящее исследование восполняет этот пробел, сочетая элементы социолингвистики, прагмалингвистики и лингвокультурологии.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в более глубоком осмыслении прагматических механизмов речевого взаимодействия в поликультурной среде. Понимание стратегий обращения, особенно в контексте присутствия третьего лица, имеет важное значение для эффективной и этически корректной коммуникации между представителями различных языков и культур. Номинация в подобных ситуациях представляет собой не просто акт называния, а инструмент социокультурной координации, отражающий иерархию, ценности и этикетные нормы конкретного сообщества.

Несмотря на наличие исследований в области речевого такта, вежливости и адресации, номинация адресата в присутствии третьего лица остаётся слабо освещённой в сопоставительной лингвистике. Особенно недостаточно изучены её реализации в русской и арабской языковых картинах мира, что делает выбранную тему теоретически значимой и практически востребованной.

Методологическая основа исследования включает совокупность современных лингвистических подходов, направленных на комплексное изучение номинации адресата в межкультурной перспективе. В работе использованы следующие методы:

- описательно-аналитический метод – для фиксации, классификации и систематизации языковых реализаций номинации в русском и арабском языках;
- метод сопоставительного анализа – для выявления структурных, прагматических и функциональных сходств и различий в номинативных стратегиях двух лингвокультур;
- прагматический анализ – для установления коммуникативных функций и интерпретации речевых актов с учётом целей говорящего и ожиданий адресата;
- дискурсивный анализ – для исследования номинации в её контекстуальной обусловленности, с опорой на типы дискурса (семейный, религиозный, неформальный);
- метод включённого наблюдения – при сборе эмпирического материала на основе живой речи, аутентичных ситуаций общения и текстов, отражающих специфику культурного контекста.

Номинация, как один из ключевых языковых механизмов, представляет собой процесс наименования объектов, лиц и явлений действительности с целью их когнитивной идентификации и коммуникативной дифференциации. В рамках когнитивной лингвистики номинация рассматривается как способ концептуализации и репрезентации знаний, интегрированных в ментальные структуры, посредством языковых знаков. Современные исследовательские подходы подчёркивают, что номинация выполняет не только функцию языкового обозначения, но и служит средством актуализации и трансляции социокультурного опыта.

Понимание номинации в рамках речевого этикета требует обращения к прагматическим основам коммуникации. В современной лингвистике акцент смещается с формального описания языковых единиц на анализ действий, совершаемых с их помощью. Как подчёркивается в *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, «в повседневном разговоре нас не столько интересуют сами высказывания, сколько речевые акты, которые с их помощью совершаются; мы воспринимаем не предложения как таковые, а действия, совершаемые через них» [1]. Это положение позволяет рассматривать номинацию адресата не как нейтральную языковую операцию, а как осмысленное коммуникативное действие, направленное на выражение социальных ролей, соблю-

дение норм вежливости и координацию взаимодействия.

Наряду с прагматической трактовкой, номинация обладает также концептуальным измерением. По мнению Й. Цинкен, устойчивые метафоры формируют когнитивные схемы, лежащие в основе номинативных стратегий и отражающие коллективные способы категоризации опыта [2]. Это позволяет интерпретировать выбор обращения не только как реакцию на речевую ситуацию, но и как проявление глубинных ментальных моделей, закреплённых в языковом сознании.

Е. С. Кубрякова подчёркивает речемыслительный характер номинативного акта, определяя номинацию в когнитивной парадигме как «концепт, схваченный языковыми знаками» [3, с. 52]. В этом контексте номинация выступает как механизм вербализации ментальных сущностей, обеспечивающий взаимодействие когнитивных и языковых структур.

Особый исследовательский интерес представляет номинация участников диалога, при которой выбор формы обращения определяется совокупностью факторов: статусными отношениями, степенью социальной дистанции, институциональной рамкой общения, а также – в фокусе настоящего исследования – присутствием третьего лица как прагматически значимого коммуникативного параметра.

Обсуждение и результаты

В русской речевой традиции форма обращения к адресату в присутствии третьего лица регулируется системой социокоммуникативных норм, обусловленных культурными установками и прагматическими ожиданиями участников взаимодействия. Одним из характерных феноменов в этом контексте является смещение номинации – замена имени собственного на обозначение родственной или социальной роли, релевантной восприятию адресата со стороны внешнего участника коммуникации.

Данный механизм наиболее отчётливо проявляется в семейно-бытовом дискурсе. Например, женщина, обращаясь к супругу при ребёнке, использует апеллятив по родственной роли именно для ребенка: *«Папа, подай, пожалуйста, салат»*, в то время как в ином контексте (например, наедине) она использует имя или ласкательное обращение: *«Игорь, помоги, пожалуйста»*.

Аналогично, в присутствии внуков, жена может сказать: *«Дедушка, посмотри, как Маша рисует»*.

Такая стратегия адресации выполняет важную прагматическую функцию фокусирования

на восприятии третьего участника: говорящий адаптирует выбор обращения с учётом социальной и когнитивной перспективы внешнего наблюдателя. Как подчёркивает М. А. Гаврилюк, система обращений в семейной речи определяется степенью родства, возрастно-статусной иерархией и конкретной ситуацией общения [4, с. 83].

Кроме того, номинация, ориентированная на третье лицо, выполняет воспитательную и культурно-трансляционную функцию: она закрепляет ролевую структуру семьи, демонстрирует уважение к старшим и способствует социализации ребёнка. Язык при этом выступает как инструмент передачи нормативных моделей поведения, укоренённых в культурной системе.

Показательно, что в русской коммуникативной культуре упоминание присутствующего участника полилога с использованием личного местоимения третьего лица (например, *он*, *она*) может расцениваться как речевая небрежность или даже как проявление невежливости. В соответствии с нормами речевого этикета предпочтительным считается прямое называние адресата по имени или имени-отчеству, особенно в ситуациях официального или полуофициального общения. Так, в разговоре, где участвует, например, Татьяна Петровна, коммуникативно корректным будет формулирование высказывания: «*Татьяна Петровна вчера была в театре*», а не: «*Она вчера была в театре*» – даже если реплика адресована третьему собеседнику. Такая лексическая стратегия позволяет сохранить уважительное отношение, подчеркнуть статус референта и избежать неоднозначности в интерпретации. Подобная особенность речевого поведения отражает более широкие социокультурные установки, согласно которым номинация личности является не только средством идентификации, но и важным элементом проявления речевого такта и социальной иерархии.

Таким образом, номинация адресата в триадной речевой ситуации в русском языке представляет собой социокультурно мотивированную прагматическую практику, реализующую адаптационные механизмы речевого поведения в зависимости от состава участников и степени их социальной включённости. Такие обращения акцентируют статусную иерархию, маркируют речевой такт и выполняют функцию социалингвистической ориентации.

Примеры номинации в семейном и социально ориентированном дискурсе русского языка:

• **Внутрисемейное общение:**

Папа / Мама – при детях: *Папа, надень куртку, мы уже опаздываем.*

Бабушка / Дедушка – при внуках: *Бабушка, а где чайник?*

Тётя / Дядя – в обращении к племянникам: *Дядя Серёжа, помоги, пожалуйста.*

Сестрёнка / Братик – при младших детях: *Сестрёнка, дай книжку, пожалуйста.*

Моя мама / Твоя мама – при ребёнке: *Спроси у мамы; Это твоя бабушка.*

Моя жена / Муж – при посторонних: *Моя жена не ест сладкое.*

• **Полуофициальный контекст:**

Учительница / Воспитательница – в речи родителей при детях: *Спроси у воспитательницы, можно ли взять игрушку.*

Доктор / Врач / Учитель – при детях или внуках: *Доктор сказал, что всё хорошо.*

• **Формальные обращения в профессиональной среде:**

Имя + Отчество – в уважительной форме при третьих лицах: *Ирина Петровна, Вы не подскажите, когда собрание?*

Вы + Имя-отчество – при подчинённых, клиентах, детях: *Сергей Иванович, прошу вас взглянуть на отчёт.*

Имя – в неформальной ситуации: *Оля, ты можешь мне помочь?*

• **Индиректные номинации и коллективные конструкции:**

Номинация через третье лицо: *Папин начальник позвонил»; «Мамина подруга пришла».*

• Инклюзивные формы с «наш»: *Наш папа устал* – включение слушателя в семейное пространство.

Приведённые примеры свидетельствуют, что номинация при наличии третьего участника служит не только средством идентификации, но и выполняет функции социализации, речевого регулирования и отражения этикетных норм. Акцент смещается с фактических ролей на социальное восприятие, что подчёркивает её прагматическую и культурную значимость.

На основе анализа можно выделить три ключевых признака данной практики:

- по ролевой категории: номинации, отражающие родственные и социальные роли (*мама, дедушка, тётя* и др.);
- по направленности: адресация, опосредованная участием третьего лица;
- по функциональной нагрузке: идентификация, воспитание, социализация, речевой такт, маркировка статуса.

Арабская речевая традиция характеризуется глубоко укоренившейся системой номинации, центральным элементом которой является *кунья* – обращение по родительской роли, формируемое с помощью слов *абу* (отец) или *умм* (мать) в

сочетании с именем ребёнка, чаще всего первенца. Эта форма выступает не только средством номинации, но и языковым маркером социальной роли и иерархического положения индивида в системе межличностных отношений.

Согласно лексикографическим источникам, таким как «Лисан аль-Араб» Ибн Мансура, кунья определяется как форма обращения, «предваряемая *абу* или *умм*, используемая как знак уважения, привязанности или принадлежности к социальной роли» [5, с. 233]. Аль-Азхари в «Тахзиб аль-луга» подчёркивает, что использование куньи не всегда связано с фактическим наличием детей – она может носить метафорический или символический характер, выполняя функцию вежливого обращения, обозначения авторитета или включённости в определённое социальное пространство [6, с. 204].

Кунья выступает как гибкий инструмент прагматической адресации, применяемый как в частной, так и в публичной сфере. Особенно актуальной она становится в условиях участия третьего лица в коммуникации, когда выбор формы обращения определяется не только личными отношениями между говорящим и адресатом, но и прагматической направленностью речи на восприятие третьего участника. В этом случае обращение по кунье позволяет одновременно выразить уважение, обозначить социальную роль и соблюсти нормы речевого этикета.

Например, супруги могут использовать кунью в диалоге при детях:

Абу Али, ты видел, как Мариам нарисовала?

Умм Халид, передай, пожалуйста, чай.

Такие обращения выполняют функцию социального моделирования, транслируя ребёнку ролевую структуру семьи, при этом сохраняется вежливый, уважительный и символически насыщенный характер обращения.

Подобная форма номинации служит не только идентификационным маркером, но и выполняет воспитательную и ориентирующую функции: она способствует усвоению ребёнком иерархии семейных ролей, формирует представление об уместных формах вежливого обращения и закрепляет нормы уважительного речевого поведения. Кунья в данном коммуникативном контексте реализуется как прагматическая стратегия адаптации обращения, в рамках которой присутствие третьего лица (ребёнка, слушателя, собеседника) становится значимым параметром выбора формы адресации.

Даже при отсутствии детей кунья может функционировать как условная или символическая номинация, отражающая предполагаемую

или желаемую родительскую роль. В арабской речевой культуре такая практика воспринимается как проявление уважения, зрелости и социальной включённости. Часто кунья используется заблаговременно – до рождения детей – и выполняет функцию статусной идентификации или ритуального выражения уважения к адресату.

Эта особенность делает кунью уникальным культурно-языковым феноменом: она может присваиваться лицам, не имеющим потомства, а также служить описательной номинацией, закрепляющей социальный имидж. Лингвист и теолог аз-Замахшари подчёркивал исключительную принадлежность куньи арабской традиции, утверждая: «Ни один другой народ, кроме арабов, не знал куньи – это одно из их отличий и предмет национальной гордости» [7, с. 481].

Существуют также устойчивые пары этого феномена, которые культурно закреплены за определёнными именами собственными или личностными характеристиками. Такие номинации имеют как ономастическую, так и культурно-символическую значимость, отражая как исторические реалии, так и религиозные и социальные ассоциации. Так, кунья может быть связана с конкретными известными личностями, чьё имя стало эталонным в определённом контексте:

- *Абу Исхак* – традиционная кунья, соотносящаяся с пророком Ибрахимом (библ.: Авраам), почитаемым в исламе как один из величайших пророков и праотец монотеизма;

- *Абу аль-Хасан* – закреплена за Али ибн Абу Талибом, зятем и двоюродным братом Пророка Мухаммада, четвёртым праведным халифом и первой фигурой в шиитской традиции;

- *Абу Фадль* – часто используется для обозначения таких выдающихся личностей, как Джафар ас-Садик (шестой шиитский имам), Яхья ибн Халид аль-Бармаки (визирь при правлении Харуна ар-Рашида), а также ар-Раби‘ аль-Муради – передатчик хадисов;

- *Абу Касим* – кунья Пророка Мухаммада, образованная от имени его сына Касима. Это наиболее известная и почтенная кунья в арабской лингвокультуре;

- *Абу ат-Тайиб* – условная и символическая кунья, означающая «отец чистоты», часто ассоциируется с поэтом Аль-Мутанабби (Ахмад ибн аль-Хусейн), чьё мастерство в поэзии сделало его имя нарицательным.

Особенности выбора имени для куньи демонстрируют высокую социокультурную вариативность: в арабских странах с выраженной урбанизированной культурой (Египет, Иордания, Палестина) кунья может формироваться от имени дочери (*Абу Фатима*, *Умм Лейла*), тогда как в бо-

лее патриархальных сообществах (Йемен, Саудовская Аравия) приоритет чаще отдаётся имени сына – даже в случае, если он не является первенцем.

Кроме ономастической функции, кунья может выполнять метафорическую или оценочную роль, обозначая не фактическое родительство, а характерные моральные, духовные или поведенческие качества носителя. Подобные конструкции широко распространены в религиозной, поэтической и политической риторике, где они служат для возвышения образа адресата, символизации его добродетелей и усиления прагматического эффекта речевого акта:

- *Абу ас-Сабр* (отец терпения) – данная кунья употребляется в отношении человека, проявившего стойкость, выдержку и смирение в условиях тяжёлых испытаний, будь то личные утраты, болезни или социальные трудности. В религиозном дискурсе может использоваться как форма восхваления за духовную выдержку и преданность Богу;

- *Абу аш-Шукр* (отец благодарности) – применяется к человеку, отличающемуся высокой нравственностью, признательностью и способностью отзываться благодарностью на добрые дела других. Такая кунья подчеркивает благородство характера и готовность ценить каждое проявление добра;

- *Абу аль-Фатх* (отец победы) – символическая кунья, обозначающая человека, добившегося значительного успеха или победы. Это может быть как физическая победа (например, спортивная), так и метафорическая – преодоление болезни, трудностей, внутренних конфликтов. В политическом и историческом контексте такая кунья часто использовалась для обозначения полководцев и героев, внёсших вклад в расширение территорий или победу в войнах.

Таким образом, кунья в арабском языке выполняет многоуровневую прагматико-культурную функцию: она не только маркирует родительскую или символическую роль, но и позволяет реализовать принцип речевой адаптивности. Это особенно значимо в ситуациях, где присутствует третье лицо и требуется соблюдение норм речевого такта, выражение уважения или сохранение социальной дистанции. Кунья выступает как инструмент встраивания индивидуальной идентичности в коллективные представления и иерархии. Как справедливо отмечает А. Хамдани: «Кунья в арабском обществе – это не просто номинация, а способ включения индивида в систему коллективных ценностей и иерархий» [8, с.72].

Рассмотрение номинации адресата в присутствии третьего лица в русской и арабской лингвокультурах позволяет выявить ряд универсальных и специфических особенностей, связанных с прагматическими стратегиями речевого взаимодействия. В обоих языках данное явление проявляется как социокультурно мотивированная коммуникативная практика, отражающая не только структуру отношений между участниками общения, но и нормы вежливости, иерархии, воспитания и культурной идентичности.

В русской речевой традиции подобная номинация реализуется преимущественно через обращения по родственной роли в семейно-бытовом дискурсе (например, *папа, дедушка*), что способствует социализации детей и поддержанию социальной координации в коммуникации. В арабском языке аналогичную функцию выполняет кунья – устойчивый номинативный механизм, основанный на обращении по родительской роли (например: *Абу Али, Умм Лейла*), который может быть как фактическим, так и символическим.

Обе стратегии обеспечивают адаптацию речевого акта с учётом присутствия третьего лица, выполняют функции вежливого обращения, ролевой маркировки и включения индивида в систему культурных ценностей. Однако если в русском языке акцент смещён на ситуативность и интуитивное следование нормам, то в арабской культуре кунья представляет собой институционализированный элемент речевого этикета, обладающий высокой степенью культурной закреплённости.

Таблица 1
Сравнительные параметры номинации адресата в русском и арабском языках

Параметр	Русский язык	Арабский язык
Тип номинации	Ситуативная, временная, по родственной роли	Устойчивая, формализованная кунья по имени ребёнка
Функция	Ориентация на третье лицо, социализация, этикет	Маркировка роли, вежливость, статус, идентичность
Контекстуальная зависимость	Высокая: номинация меняется в зависимости от ситуации	Низкая: кунья может сохраняться в разных контекстах
Связь с именем собственным	Замещает имя только в конкретной ситуации	Может полностью заменять имя собственное
Формаль-	Не закрепляется	Может быть

ная закреплённость	за личность	официально или устойчиво связана с личностью
Социальная нагрузка	Отражает внутреннюю семейную иерархию	Выполняет социально-идентификационную и оценочную функцию

Выводы

1. Номинация адресата в присутствии третьего лица – это прагматически и социокультурно обусловленная стратегия, направленная на коррекцию речевого поведения с учётом восприятия стороннего участника коммуникации.

2. В русском языке наблюдается ситуативное использование номинаций, отражающих ролевые позиции (*мама, папа, дедушка*), что служит средством педагогической социализации и коммуникативной адаптации.

3. В арабской лингвокультуре кунья обладает устойчивой формой и выполняет одновременно идентифицирующую, этикетную и статусную функции, отражая коллективистские ценности и уважение к ролевой иерархии.

4. Номинация в обеих культурах демонстрирует тесную связь с концептами вежливости, речевого такта и культурной репрезентации личности, хотя степень формализации и символизма отличается.

5. Сравнительный анализ показал, что в контексте межкультурной коммуникации понимание таких форм обращения способствует развитию коммуникативной компетенции, помогает избежать речевых недопониманий и способствует эффективному межличностному взаимодействию.

Список источников

1. Zalta E. N. (ред.). Speech acts // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2020 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/speech-acts/> (дата обращения: 13.05.2025).
2. Zinken J. Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies // Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 18, no. 3. Pp. 445–466.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. ака-

демия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

4. Гаврилюк М. А. Обращение в китайском семейном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1 (81). С. 81–84.

5. Ибн Манзур Мухаммад ибн Мукаррам Лисан аль-Араб / примеч. Амина Абд аль-Вахаба, Мухаммада аль-Убайди. Бейрут: Дар Ихья ат-Турас аль-Араби, 1999. Т. 15. 468 с. (на араб. яз.)

6. Аль-Азхари Мухаммад ибн Ахмад. Тахзиб аль-луга / под ред. Мухаммада Авада Мураба. Бейрут: Дар Ихья ат-Турас аль-Араби, 2001. Т. 10. 696 с. (на араб. яз.)

7. Аз-Замакшари Джаруллах. Раби аль-абрар ва нусус аль-ахьяр. Бейрут: Муассасат аль-А'лями, 1992. Ч. 2. 486 с. (на араб. яз.)

8. Hamdani A. Forms of Address in Arabic Culture // International Journal of Linguistics. 2018. Vol. 10(3). Pp. 70–82.

References

1. Zalta, E. N. (Ed.). (2020). *Speech Acts*. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/speech-acts/> (accessed: 13.05.2025). (In English)
2. Zinken, J. (2007). *Discourse Metaphors: The Link between Figurative Language and Habitual Analogies*. Cognitive Linguistics, No. 18(3), pp. 445–466. (In English)
3. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Acquiring Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Cognition]. 560 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. (In Russian)
4. Gavriluk, M. A. (2018). *Obrashchenie v kitaiskom semeinom diskurse* [Forms of Address in Chinese Family Discourse]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 3–1(81), pp. 81–84. (In Russian)
5. Ibn Manzur, Muhammad ibn Makram (1992). *Lisan al-'Arab*. Ed. Ameen Abdulwahhab and Muhammad al-Ubaydi. Vol. 15, p. 468. Beirut, Dar Ihya al-Turath al-Arabi. (In Arabic)
6. Al-Azhari, Muhammad ibn Ahmad (2001). *Tahdhib al-lughah*. Ed. Muhammad 'Awad Mur'ib. Vol. 10, p. 696. Beirut, Dar Ihya' al-Turath al-'Arabi. (In Arabic)
7. Al-Zamakhshari, Jar Allah (1992). *Rabi al-abrar wa nusush al-akhyaar*. Vol. 2, p. 486. Beirut, Mu'assasat al-A'lamī. (In Arabic)
8. Hamdani, A. (2018). *Forms of Address in Arabic Culture*. International Journal of Linguistics, No. 10(3), pp. 70–82. (In English)

The article was submitted on 04.08.2025
Поступила в редакцию 04.08.2025

Абу Гриеканах Алиа Салим Эслаим,
соискатель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alia4@yahoo.com

Габдреева Наталия Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n.gabdreeva@mail.ru

Abu Ghriekanah Alia Saleem Eslacem,
Ph.D. student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alia4@yahoo.com

Gabdreeva Nataliya Viktorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n.gabdreeva@mail.ru